

Наталья Викторовна Резникова

2013к
245

Наталья Резникова

ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ

Воспоминания
об Алексее Ремизове

Подготовка текста, сопроводительная статья, аннот. именной
указатель А. М. Грачевой

Издательство
«Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург

2013

УДК Ш5 (2=Р)7-4 Ремизов А. М. 14

ББК 821. 161. 1. 09 + 929 Ремизов А. М.

Р 34

Резникова Н. В.

Р 34 Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове.
СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-91476-051-6

Мемуары приемной дочери лидера эсеровской партии В. М. Чернова, переводчицы, литератора Н. Резниковой. Повествование об эмигрантской жизни в Париже классика русского авангарда Алексея Ремизова, многолетним другом и литературной помощницей которого была мемуаристка. Представлены красочные картины художественной жизни и быта русских Берлина и Парижа 20—50-х гг. XX в. В основе мемуаров — материалы и фотографии из архива семьи Резниковых.

УДК Ш5 (2=Р) 7-4 Ремизов А. М. 14
ББК 821. 161. 1. 09 + 929 Ремизов А. М.

391596

ISBN 978-5-91476-051-6

© Резников А. Д., Резников Е. Д., текст, ил., 2013
© Грачева А. М., подгот. текста, ст., 2013, *Анн. УКСЗ*,
© Ликальтер Л. Л., оформление переплета, 2013
© Издательство «Пушкинский Дом», 2013

В оформлении переплета использован рисунок А. М. Ремизова «Карлик Ивашка».

**«Очень любила и знала очень давно...»:
Алексей Ремизов в судьбе и творчестве
Натальи Резниковой**

Читателю настоящей книги предстоит вместе с одной из лучших представительниц первой волны эмиграции, «русской парижанкой» Натальей Викторовной Резниковой (1903—1992), совершить мысленное путешествие по волнам ее «Огненной памяти». Словно воочию он представит картины художественной жизни и нелегкого быта русских Берлина и Парижа 20—30-х годов прошлого века, узнает о тяготах жизни эмигрантов во Франции периода немецкой оккупации и времен начала холодной войны. А главное, вместе с мемуаристкой постарается разглядеть облик одного из самых оригинальных классиков русского авангарда Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957).

Состоявшееся в начале 20-х годов знакомство и дальнейшая многолетняя дружба Н. В. Резниковой и А. М. Ремизова были как бы predetermined их изначальным «духовным сродством».

В годы юности будущий писатель был участником революционного движения, за что поплатился годами тюрем и ссылки. В 1901—1903 годах он находился сначала в Усть-Сысольске, затем в Вологде, впоследствии названной им Северными Афинами. Там Ремизов познакомился с сообществом ссыльной молодежи, из рядов которой в дальнейшем вышли лидеры ведущих российских революционных партий начала XX века —

эсеровской и социал-демократической. Это были сверстники, объединенные единой судьбой, общим душевным горением, открытые не только политическим, но и эстетическим новациям. Среди его тогдашних знакомых был и революционер Владимир Чернов — старший брат публициста, будущего лидера эсеровской партии Виктора Чернова. В «Северных Афинах» Ремизов принял решение уйти с революционного пути и стать профессиональным писателем.

Его литературная карьера сложилась достаточно быстро и успешно. После появления в 1907 году книги сказок «Посолонь» Ремизов как равный вошел в элиту русских модернистов. Описание жизни литератора «на Парнасе Серебряного века» можно найти у известных мемуаристов, посвятивших свои воспоминания той эпохе (Андрея Белого, Г. Чулкова, А. Бенуа, М. Добужинского, С. Маковского и др.)¹. Однако до настоящего времени почти не исследованы связи Ремизова с революционерами (Б. Савинковым, И. Каляевым и др.), продолжавшиеся и после его возвращения из ссылки. Следует отметить, что хотя будущий писатель некогда был пропагандистом марксизма, в дальнейшем наибольшие симпатии у него вызывали не социал-демократы, а эсеры — прямые продолжатели традиций русского народничества.

Именно это духовное и политическое наследство восприняла семья Натальи Викторовны Резниковой. Ее мать — Ольга Елисеевна — была дочерью известного критика и писателя 1840—1850-х годов Елисея Яковлевича Колбасина и с детства находилась в кругу гуманитарных интересов. Она сама занималась журналистской и литературной работой. Ее первым му-

¹ См.: *Белый Андрей*. 1) Начало века. М., 1990 (по указ.); 2) Между двух революций. М., 1990 (по указ.); *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999 (по указ.); *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 4—5 (по указ.); *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 229—232; *Маковский С.* На Парнасе Серебряного века // *Маковский С.* Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе Серебряного века. Художественная критика. Стихи. М., 2000 (по указ.).

жем был выпускник петербургской Академии художеств, талантливый ученик И. Е. Репина, Митрофан Семенович Федоров. Он был отцом двух девочек-близнецов — Натальи и Ольги. Разойдясь с Федоровым, Ольга Елисеевна вышла замуж за Виктора Михайловича Чернова, удочерившего девочек. От этого брака родилась младшая дочь Ольги Елисеевны — Ариадна. С детства девочек окружали профессиональные революционеры — люди, сознательно жертвовавшие своими интересами ради общего блага. В 1905 году О. Е. Колбасина-Чернова работала в литературном отделе редактируемой ее мужем эсеровской газеты «Дело народа», в которой предполагалось издание романа Ремизова «Часы». Тогда же состоялось знакомство Ольги Елисеевны с автором необычного произведения². В период между двух революций Черновы, как политические эмигранты, жили в Италии, где они, в частности, общались с М. Горьким и его окружением. В Россию семья вернулась только к 1917 году.

После октябрьского переворота О. Е. Колбасину-Чернову и ее дочерей арестовали, поскольку они были членами семьи В. М. Чернова — первого председателя Всероссийского учредительного собрания, разогнанного большевиками. Все они, включая маленькую Ариадну, прошли через тюремное заключение, а О. Е. Колбасина-Чернова сменила несколько тюрем³. В 1921 году мать с дочерьми были освобождены и смогли выехать за границу по ходатайству М. Горького⁴. В том же году в Берлине состоялась новая встреча Ольги Елисеевны с уехавшим из России Ремизовым, а также знакомство писателя и его

² *Колбасина-Чернова О. Е.* <Воспоминания об Алексее Ремизове> // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 487—495.

³ См.: *Чернова-Колбасина О. Е.* Воспоминания о советских тюрьмах. Париж, [19—]. 35 с.; *Чернова-Андреева О. В.* Холодная весна // *Звезда*. 2001. № 8. С. 124—155 (на англ. яз.: *Andreyev-Chernov O.* Cold spring in Russia. Ann Arbor, 1978. 283 p.).

⁴ См.: *Резникова Н. В.* Мои встречи: (Отрывок из книги воспоминаний) // *Russica-81: литературный сборник*. New York, 1982. P. 297—301.

супруги с ее детьми. Это было начало многогранных дружеских отношений, длившихся вплоть до смерти Ремизова.

Для писателя семейство Ольги Елисеевны было воплощением живой связи с тем давно канувшим в прошлое сообществом молодых вологодских энтузиастов, которые когда-то были товарищами по общему благородному делу и еще не успели возненавидеть друг друга в смертельной схватке за власть в новой России. В свою очередь, семья Ольги Елисеевны также видела в Ремизове «своего» — человека безбытного, «выломившегося» из своего вполне благополучного класса ради служения униженным и оскорбленным, писателя, исповедовавшего классические идеалы российской революционной интеллигенции.

Для писателя была важна и генетическая, и фактическая близость всех членов семьи О. Е. Колбасиной-Черновой к миру искусства, литературы.

Сама О. Е. Колбасина-Чернова всю жизнь работала в различных печатных изданиях как редактор, публицист, ее дочери были ярко выраженные гуманитарии. Они блестяще знали несколько европейских языков, тонко понимали литературу. Наталья и Ольга имели способности к изобразительному искусству. В Берлине они занимались в художественных студиях, а в Париже в 20-е годы работали зарисовщицами дамских туалетов, демонстрируемых на показах мод. Поэтому, возможно, не случайно, что все три сестры связали свои судьбы с поэтами и литераторами. Наталья вышла замуж за поэта Даниила Резникова. Мужем Ольги стал сын «крестного отца» Ремизова в литературе Леонида Андреева — Вадим, также поэт и прозаик. Ариадна соединила свою жизнь с журналистом и литературным критиком Владимиром Сосинским.

О. Е. Колбасина-Чернова, ее дочери и их мужья продолжали и в изгнании вести жизнь классических русских интеллигентов, тяжело добывавших хлеб насущный, но никогда не снижавших высокую планку своих духовных интересов. Их отношения с Ремизовым и его женой, Серафимой Павловной Ремизовой-Довгелло, не ограничивались только интеллекту-

альным общением. Это была искренняя привязанность и бескорыстная дружба. Так, в 20—30-е годы они помогали распространять рукописные иллюстрированные альбомы писателя среди меценатов, содействовали организации его ежегодных «Вечеров чтения», решали разнообразные бытовые проблемы писательской четы. В годы войны Ремизовы жили в оккупированном Париже и терпели многочисленные лишения. В 1943 году Серафима Павловна умерла. Уехавшие с детьми на остров Олерон, сами бедствовавшие, О. Е. Колбасина-Чернова, Н. В. Резникова и О. В. Андреева оказывали оставшемуся в одиночестве Ремизову моральную и посильную материальную помощь⁵.

После войны, в 40—50-е годы, Наталья Викторовна Резникова взяла на себя обязанности быть и ремизовской литературной помощницей, и «Девятикрылатым ангелом», разрешавшим многие житейские трудности почти полностью ослепшего литератора. Семейный круг Резниковых стоял у истока некоммерческого издательства «Оплешник», в котором с 1950 по 1957 год были опубликованы книги Ремизова: «Повесть о двух зверях: Ихнелат», «Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония», «Мелюзина. Брунцвиг», «Мышкина дудочка», «Огонь вещей», «Мартын Задека», «Тристан и Исольда. Бова Королевич», «Круг счастья».

В 1955 году Ремизов прочитал вышедший в СССР 10-й том академической «Истории русской литературы» (М.; Л., 1954). В нем была представлена концепция развития литературного процесса начала XX века, принятая в официальном литературоведении. Имя писателя было упомянуто лишь вскользь и в негативном контексте — его творчество охарактеризовано как «голое формалистическое „новаторство“», а он сам — как человек, бежавший за границу, «где примкнул к злейшим вра-

⁵ См. письма Ремизова 1943—1945 гг. Н. В. и Д. Г. Резниковым: *Alexei Remizov. Unpublished Letters to N. V. Reznikova and A. F. Ryazanovskaya* / prepared by Sona Aronian // *Russian Literature Triquarterly*. Ann Arbor, 1986. № 19: Remizov-II. Heatherway. P. 269—275.

гам Советской России»⁶. Ремизов был травмирован такой оценкой своего литературного труда. Ознакомление с академическим трудом совпало с его приближавшимся 80-летним юбилеем. В связи с этим его друзья, и не в последнюю очередь О. Е. Колбасина-Чернова и семьи дочерей, задумали издать книгу воспоминаний современников о встречах с Ремизовым. Первоначально и писатель увлекся этим проектом. Но оценка его творчества в советском академическом издании изменила его позицию. Ремизов решил написать о себе сам. В это время он тесно контактировал с начинающей писательницей Н. В. Кодрянской, учил ее, «как надо писать», редактировал, а подчас и переписывал ее сказки. Она и ее муж — предприниматель И. В. Кодрянский — оказывали Ремизову значительную материальную помощь. Писатель решил привлечь Наталью Кодрянскую в качестве своей «литературной маски». Он разработал концепцию, план и начал работать над книгой «Лицо писателя», которая должна была выйти под именем Кодрянской. Ремизов ежедневно в дневниковой форме писал тексты по разделам книги⁷ и отсылал их в США своей «ученице». Друзья писателя не были посвящены в литературные секреты готовившегося труда. В это время О. Е. Колбасина-Чернова жила в Нью-Йорке у дочери — О. В. Андреевой. Обсуждение проблем юбилейного ремизовского издания стало одним из ключевых пунктов ее переписки с Н. В. Резниковой. Так, в письме от 6 мая 1957 года она сообщала дочери о своем общении с Кодрянской: «Читала она мне начало своей книги: его рождение, происхождение Ремизовых при Петре Великом и т. д., — указание на летопись, где встречается имя Ремизова, — всё *точно* со слов — записей Алек<сея> Мих<айловича>, как будто под

⁶ Орлов В. Н. Поэзия буржуазного упадка. Раздел I // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1954. Т. 10: Литература 1890—1917 годов. С. 772—774.

⁷ См.: Ремизов А. М. Лицо писателя: материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 241—486.

его диктовку. — В плане — во всем — его твердая рука — очень толково и организовано, он ориентируется (по секрету от нее) на родину — чтобы там потом пользовались»⁸. Ольга Елисеевна употребила словно «точно» в смысле «как будто», а на деле это был точно, т. е. действительно, текст *самого* Ремизова. В другом письме, от 29 сентября, она пришла к выводу: «В такой постройке книги нет места — высказываниям других людей. Она (Кодрянская. — А. Г.) сначала думала привлечь Маковского, Добужинского, Степуна. Два первых наотрез отказались — у них свои книги, и о Ремизове тоже будет. Степун, наоборот, ухватился, но это перешло бы в политику и полемику, и она отказалась <...> Оставалась я <...> в новой конструкции не всунуть мои главы, — ни к чему, пятое колесо, — вразрез со всем планом»⁹.

В ноябре 1957 года Ремизов скончался, так и не дождавшись выхода задуманной книги. Н. В. Резникова до последних дней помогала умиравшему писателю, просиживая у его постели дни и ночи. Ее рукой со слов литератора записаны последние дневниковые заметки для книги «Лицо писателя»:

17 ноября 1957

Чистый, но слабенький голосок, разве можно сравнить с «оригиналом» — Лесков.

А когда я подумал о своем голосе...

Вот настоящий голос — Лесков, а остальные все — ученики.

Или сюсюк не напоенности, или праведность как Короленко.

18 ноября 1957

Больше всего я негодую против себя — такая дурацкая привычка — умничать — и прислушиваться к другим голосам, когда свой — беззвучен.

Прошу всех: примите мое, я только хотел добра для всех людей, никакого зла.

⁸ Архив Резниковых (Париж).

⁹ Там же.

19 / XI

Много писал в воздухе, а когда стала возможность записать, я задыхаюсь <от> своего голоса.

20 ноября среда

Я всех упрекаю в непонятливости, в несообразительности, а посмотрите в «Розовом блеске» как себя чищу.

Я говорю: со мной человеку пропасть, а уж о какой помощи — говорить нечего.

1957 21 ноября четверг

(Два слова о себе)

Предметы, краски ушли, а что если и слова испарятся? Не знаю, что покажет мне — уже погружается во тьму. Хотел нарисовать — себя поймал: рисую. Это перед каждой главой — это бесконечно

бесконечно —

бесконечно...

24 ноября воскресенье

Литература — с теми лицами у меня не было связи
Сургучев

25 ноября 1957 понедельник

Ну, запишите. Б<лок?>. Гоголь.

Сегодня весна.

Мне письмо¹⁰.

Семья Резниковых взяла на себя организацию похорон писателя и улаживание его посмертных имущественных дел. Сохранилось письмо Н. В. Резниковой Кодрянским с подробным описанием последних дней Ремизова:

N. Reznikoff

11, rue Camille Desmoulins

Cachan Seine

Суббота 30. XI. 57

¹⁰ Ремизов А. Дневник. Тетрадь № 27 (Архив Резниковых (Париж)).

Дорогие Наталья Владимировна и Исаак Вениаминович!

Вчера похоронили нашего любимого Алексея Михайловича. Он скончался во вторник в 8 часов вечера, тихо в полусне, без мук и страданий: один чуть слышный вздох — и ничего. Доктор был у него за 2 часа до смерти, нашел ухудшение — он видел, что всё идет к концу, — но дня и часа нельзя было предсказать. После припадка (4-5, ночью) А. М. всё время лежал — состояние его менялось, и даже два раза было заметное улучшение. В эти 3 недели в постели А. М. временами страдал и беспокоился, иногда успокаивался, и страдания физические и беспокойство затихало. Я говорю «беспокойство» — не страх смерти, его он не знал и при всех болезненных и трудных ощущениях, которые он испытал, он так и не узнал ни страха смерти, ни предсмертной тоски. Вообще же как ни было ему тяжело, но все эти (21) дни всё же страдания как-то притупились. (И доктор, на основании физ<ического> осмотра, говорил то же.) И жестокое, мучительное откашливание стало мягче. Скажу Вам, самое тяжелое, самое мучительное время — когда вспоминаю, то содрогаюсь, — были дни или недели до припадка. Собственно, после долгой и страшной болезни зимой 1954 года — А. М. не поправлялся по-настоящему. Те люди (очень немногие), видевшие его поздно вечером и рано утром, — знали это. Прошлой весной как будто начиналось улучшение, потом снова начался «задох». Летом этим, — помните, как Вы и я тяжело перенесли его юбилей, как мучительно беспокоились при этом, — он уже был глубоко болен. И это сказывалось больше всего в его беспокойном желании не отдохнуть, а что-то делать скорее, скорее, — чтобы всё успеть. Когда я, после месячного отсутствия, вернулась в конце лета — увидела ужас конца и безнадежность — А. М., мучимый вечным беспокойством — что-то еще, и еще, и еще сделать, — сам себе не давал подняться и выздороветь. Может быть, какие-то были допущены небольшие ошибки. (Почему-то, например, говорили, что доктор, вернувшись с vacances, нашел улучшение. Всё это теперь неважно, но мне, например, доктор ничего подобного не говорил.) Когда мы увидимся, я всё вам подробно расскажу. Если что-то может утешить нас — то именно это — первое: А. М. не страдал, умирая. (Ничего похожего на его страшные «задохи» не было. Ведь то, чего он боялся, — умереть, задохнувшись, мучительно не находя воздуха и дыхания, не про-

изошло. «Задохи» после припадка — я писала Вам, кажется, — прошли. Людм<ила> Ник<олаевна> говорит, что он при ней «задохнулся» — при мне ни разу.) Другое: он был у себя на квартире — ни клиники, ни госпиталя, — среди своих книг, под тикающей кукушкой, со мною («Наташа, не покидайте меня, будьте со мной до конца!»), окруженный заботами, самым тщательным, внимательным, нежным уходом, под глазом знающего его, внимательного, осторожного доктора, который не щадил своего времени и сил. Средства платились щедро, всё-всё, что только могло облегчить, скрасить, помочь, обрадовать, — доставалось и делалось всё. Кругом было мало людей — да он и не спрашивал, — круг как-то всё сужался, и последнее время, если кто-то извне подходил, — не реагировал.

Последняя милость судьбы — слепой, слабый, — он не терял ни силу мысли, ни голоса — твердо и ясно говорил, по-своему отчетливо строя свои фразы, — и вот последние 2 дня у него стал пропадать голос, он шептал. Приходилось низко к нему склоняться, угадывать его шепот, «переводить», например, доктору его слова. Последнее, что он ему сказал, — «бессонница» (это было мучение по ночам) и «чувствую себя крепче». Его очень облегчил кислород — не палатка — маленькая масочка, которую ему не надевали, а приближали к носу и рту, когда он хотел подышать: «воздуху». Он курил еще за час до смерти — одну-две слабые затяжки, потом протягивал, и папиросу забирали. Помните И. М. Чапского? Узнав о припадке А. М., он сразу, непосредственно сам предложил и доставил, достав мне денег, чтобы можно было щедро, ни с чем не считаясь и без расчета, расходовать этот желанный «воздух», скрасивший и облегчивший последние недели жизни Алексея Михайловича. Всё случилось так скоро, я надеялась хоть немножечко еще протянуть. (Может быть, это был эгоизм? Но куда теплится жизнь — хочется ее удержать.) Такие моменты — когда А. М. умирал, — уже были — и всё-таки согревалась рука, он возвращался к жизни. Еще до припадка (отпуская Солдата) я переночевала у него. Я знаю, чем были его ночи последних 3-х или 4-х лет. (Утенку многое простится за эти жуткие ночи.) Ека<терина> Влад<имировна> от ночей потом отказалась — ей было невыносимо трудно. После припадка — первые ночи была около него — сидела рядом или дремала, прислушива-

ясь к его дыханию и шороху. Иногда, когда он не спал, часами читала, усыпляя. Стрелки часов крутились — не было ни жути, ни гнета, ни хватающей руки. В страдании тихость и «доверие» (одно из его последних слов). В эти ночи он говорил мне, как редко бывает в жизни любовь — до конца — такая, как моя, — через всю жизнь и до конца. Настроенность его была высокая (не в смысле религии или церкви, а в его желании добра людям и каждому человеку). А потом — понадобился уход профессиональной сестры, — и эти ночи были мучительные. Последнее, что мучило его, — это «профессиональные» ночи. Сестра — человек не злой, добродушный, но разве она, облегчая физически, могла дать другое? В самые последние дни я попросила доктора, и он позволил ночевать у него мне, — но я не успела это сделать, надо было сообразоваться с отпуском для Ека<терины> Влад<имировны>, — а для этого я заранее должна была что-то сделать дома, — это было сложно, и я не успела исполнить это его желание и грызу себя теперь. 2 последних дня — ночи были бессонны. А. М. погрузился в полусон, — голос стал еле слышный, меньше просил кислород, — только пил и пил. (Это было трудно. Привставать (т. е. садиться) мучительно, пил или полусидя, или через трубочку, но пил много и охотно). Последнее живое и веселое — сидр: «Дайте сидру!» Я послала Утенку — он замешкался. А. М. настойчиво просил. Я выбежала сама, на улице встретила Утенку с сидром. «Наташа, возьмите два стакана — выпьем вместе!» И с жадным удовольствием выпил стаканчик и еще, мягкого, холодного, слегка пенящегося сидра. И потом — как хорошо, с улыбкой говорил, как это было ему приятно. Последняя улыбка жизни. Опять ночь без сна, день в полусне. Вечером я обычно читала, взяла, где остановились. — «Нет, читайте “Соборяне”». Я стала читать, но ни настоящего сна, ни отклика на чтение не было, — был доктор, — ушел. Такое состояние продолжалось. И, когда из полусна перешел в сон, — сон был последний. Один вздох, — и слышал его Утенку, сменивший меня, как я сказала ей, потушила свет у него, горело в коридоре, в полутемноте, в тишине. Когда я пришла, он был, казалось, еще совсем живой, только непривычно открытый рот. Я ждала его мягкие и теплые руки. Тело было теплое, маленькое, невероятно худое. Лицо сильно изменилось за последние дни болезни. Нос стал прямой. Его одели — присланные мамой брю-

ки, серая верхняя, подаренная доброй душой рубашка. Галстук его был ветх. Даниил Георгиевич снял свой и пышно, красиво завязал. Иконка — Нины Григорьевны. Укрыли его, по его желанию, одним из любимых его одеял («Оля» и «Наташа» — голубое и розовое — работа рук С<ерафимы> П<авловны>). До панихид я заводила кукушку. И потянулись часы. Первую ночь я была с ним одна, изредка заходил горестный Утенок. Утром дома я не могла предаться ни горю, ни отчаянию. Даниил Георгиевич энергично поднял на ноги радио и прессу, — и мне с утра звонили журналисты и из радио. Я давала сведения. Два раза передали о кончине по радио. Первая статья «Libération» Armand Gatte. Как полагаются, по телефону, многое переврано, но мне нравится подход — не минорный (скончался в эмиграции), а мажорный — очарованье, краски, поэзия, Россия. Я посылаю Вам «Libération» и «Monde», маленькая заметочка в «Combat» и «France Soir». Вчера в 13 часов 45 <минут> были похороны — rue Pétel — служил отец Т<?> очень прочувствованно, понимая и значение, и дух А. М. Сказал о нем, что, если он не близок был церкви (которую знал как никто), то близок был Христу в том, что в сердце и в творчестве — был с бедными, обездоленными, страдающими, жаждущими правды. Похоронили в Vagneux, — зеленая елочка, посаженная и разросшаяся на могиле С<ерафимы> П<авловны> [ее снова посадили], ваш венок роскошных алых роз с вашим именем, венок от Галлимара и наш (Лурье и Резниковых), и цветы от друзей. Могила — общая — они вместе¹¹ — С<ерафима> П<авловна> и А<лексей> М<ихайлович>¹².

В течение долгих лет Н. В. Резникова была неутомимой помощницей в литературных и житейских делах Ремизова. После его смерти она осталась хранительницей творческого наследия литератора¹³. Наталья Викторовна восприняла это как воз-

¹¹ Впоследствии прах С. П. и А. М. Ремизовых был перенесен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В 1992 г. рядом с их могилой была захоронена Н. В. Резникова.

¹² Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds (UK). MS. 1408.

¹³ См. посвященную судьбе ремизовского архива переписку Н. В. Резниковой с научным сотрудником Пушкинского Дома В. И. Малышевым:

ложенную на нее судьбой миссию по пропаганде творчества писателя.

Одной из главных задач, к выполнению которой она приступила еще при жизни писателя, стало намерение способствовать признанию его таланта во Франции. Н. В. Резникова занялась переводом произведений писателя на французский язык. Ее труд был по достоинству оценен. Авторитетное издательство «Gallimard» опубликовало в ее переводе такое знаковое произведение Ремизова, как роман «Подстриженными глазами»¹⁴.

Другой целью Н. В. Резниковой стала публикация произведений писателя — об этом он просил в своем завещании. В непростых условиях существования издательского дела в русской эмиграции некоторые его наиболее крупные произведения, созданные в 20—40-е годы, при жизни автора остались не изданными в полном виде. Они публиковались в журналах и газетах в виде отдельных рассказов или отрывков из книг. Это были произведения экспериментальной большой эпической формы, такие как «Плачущая канава», «Учитель музыки», «Петербургский буерак», «Иверень». Н. Резниковой удалось добиться только частичной публикации «Петербургского буерака». К сожалению, текст произведения был волюнтаристски исковеркан издателем¹⁵. Тщетными были и ее неоднократные попытки через К. Чуковского, И. Эренбурга при посредничестве В. Сосинского, вернувшегося в СССР, опубликовать произведения Ремизова на Родине. И все-таки Н. В. Резникова нашла возможность выполнить последнюю волю Ремизова. Две-

«Девятикрылатый» ангел Алексея Ремизова: I. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (1957—1959); II. Переписка Н. В. Резниковой с В. И. Малышевым (1957—1964) / публ., вступ. зам. и коммент. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 769—774, 783—809.

¹⁴ Remizov A. Les yeux tondus: nouvelles / trad. du rus. par Nathalie Reznikoff; Préface de Marcel Arland. Paris, 1958. 280 p.

¹⁵ См.: Ремизов А. Встречи. Paris, 1981. 293 с.

ри ее дома, где хранились рукописи писателя, были гостеприимно открыты для исследователей его творчества, а сама она всегда была готова оказать ученым всестороннюю помощь. В итоге в 1980-е гг. ученые из США (О. П. Раевская-Хьюз) и Италии (Антонелла д'Амелия), имевшие возможность работать с архивом писателя, опубликовали книги «Иверень» и «Учитель музыки»¹⁶. Благородные усилия Натальи Викторовны были продолжены ее сыновьями — Егором Даниловичем и Андреем Даниловичем Резниковыми, оказавшими бесценную помощь Пушкинскому Дому при издании 10-томного Собрания сочинений Ремизова (М.: Русская книга, 2000—2003).

Наконец, задачей Н. В. Резниковой было раскрытие творческой индивидуальности — «лица писателя» Алексея Ремизова. Итогом ее усилий стала книга воспоминаний «Огненная память» — своеобразное историко-литературное исследование творчества писателя.

Это — «огненная память» русской интеллигентки из семьи с революционным прошлым о человеке, идеалы, жизнь и быт которого были духовно близки кругу мемуаристики; произведение, написанное «своей» о «своем».

Н. В. Резникова фактологически точно, с большой личной скромностью отобразила не только жизнь Ремизова, но и тот пестрый культурный фон, на котором она протекала. В воспоминаниях даны картины жизни русских Берлина и Парижа 20—50-х годов. Особую ценность представляет описание бедственного существования русских эмигрантов в оккупированной Франции.

Вместе с тем «Огненная память» — это сжатый историко-филологический обзор творчества писателя. Многие годы литературная деятельность Ремизова протекала на глазах мемуаристики, а в 40—50-е годы она — его литературная помощни-

¹⁶ Ремизов А. 1) Иверень: Загогулины моей памяти / ред., послесл. и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. 388 с.; 2) Учитель музыки: Каторжная идиллия / подгот. к печати, вступ. ст. и примеч. Антонеллы д'Амелия. Paris, 1983. 576 с.

ца — находилась как бы внутри творческой лаборатории литератора, узнавала от самого автора о планах, основных темах его произведений. После смерти писателя Н. В. Резникова имела возможность исследовать его творческие чистовые и черновые рукописи, тетради с записями, письма. Результатом этого была достаточно стройная концепция творчества писателя, которую вдумчивый читатель может почерпнуть из ее книги. Особенно ценен детальный анализ творчества Ремизова 40—50-х годов.

Автор «Огненной памяти» ставила своей задачей представление литературного наследия Ремизова как целостного явления. Об этом, в частности, свидетельствует ее тщательно продуманное, сохранившееся в ряде редакций письмо журналисту, библиографу, одному из основателей Русского заграничного исторического архива эсеру С. П. Постникову, который задумал написать обобщающую статью о недавно скончавшемся А. М. Ремизове для ее последующей публикации в СССР. Постников через посредника обратился к Н. В. Резниковой как знатоку творчества литератора. Та ответила подробным посланием:

Nathalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins 30. I. 58
Cachan (Seine)
France

Дорогой Сергей Порфирьевич,

Михаил Матвеевич переслал мне Ваше письмо. Вы хорошо знали мою семью и когда-то приезжали к нам в Италию... Я действительно могу много рассказать Вам о А. М. Ремизове, которого очень любила и знала очень давно, последние годы постоянно с ним бывала. Серафима Павловна скончалась в 1943 году. После ее смерти, описанной в книге «В розовом блеске», в самой значительной ее части, «Сквозь огонь скорбей» (первая часть книги — студенческие годы «Оли» (С<ерафимы> П<авловны>)) — является продолжением книги «Оля», ее начало (детство) называется

«В поле блакитном»), Алекс<ей> Мих<айлович> жил один, много и упорно работал. В эти годы А. М. как писатель нашел себя, свою форму, стал писать проще, достиг небывалого мастерства и большой силы. Я думаю, что у нас не было другого писателя, для которого словесный материал — язык — как бы сливался воедино с самой сущностью творчества — темой, мыслью, содержанием. Творчество А. М. нелегко охарактеризовать: оно всегда расположено на нескольких планах. Рассказ из повседневной маленькой жизни раскрывает другой, особенный ремизовский мир, где привычные вещи оживают, как бы одухотворяются. Реальность часто сплетается со сном — с памятью прошлого, в веках или с литературными воспоминаниями. Но всё — реальное и нереальное — рассказано таким необычным языком — самые простые слова приобретают и полный свой смысл, и звук, который поневоле заворачивает. Можно сказать также, что ни один русский писатель так не любил, так не вживался — не знал литературу, как Алексей Михайлович. Наряду с легендами, сказками, «бытовыми» рассказами у А. М. можно найти темы, взятые из литературы. (Но о чем бы он ни писал, его рассказ велся с неподражаемым ремизовским искусством, ритмом, исключительной музыкальностью.) Один французский критик сказал про Ремизова: «На его маленьких рассказах из повседневного быта можно построить целую литературу». Как древние (А. М. хорошо знал Эсхила и Софокла), он прислушивался к голосу судьбы — к хору, — к вопросам бытия и старался определить место и значение человека на земле (и в пространстве среди звезд). Сам А. М. никогда не рассматривал писателя вне времени и пространства — выяснял его «природу» и искал «наследие». «Природа» А. М., ни на кого не похожая, совершенно исключительная по тонкости художественной восприимчивости, кроме его словесной одаренности, он обладал редчайшим слухом (и в том, что касается «слова», и в музыке; музыка имела большое значение в его жизни и отразилась в творчестве), удивительной памятью и «глазом» (близорукий, к концу жизни полуслепой, он видел лучше зрячих). А. М. чудесно рисовал. Во Франции его ценили как оригинального рисовальщика, мастера графического искусства. Когда-то Пикассо приобрел его рисунок. В коротком некрологе, посвященном А. М., известный франц<узский> писатель и критик Marcel Arland пишет о нем:

«Alexei Remizov était peut-être le plus rare, le cœur le plus frais et le plus douloureusement sensible»¹⁷.

Свое «наследие» А. М. ведет от «природного русского языка» (не церковнославянского) — протопопа Аввакума — Ваньки Каина, — несколько лет тому назад он изучал судебные записи XVII века, вслушиваясь в язык приказных (А. М. учился до самых последних дней своей жизни), дальше — от Гоголя, Мельникова-Печерского, который в юности произвел на него большое впечатление. Впоследствии А. М. отвергал искусственно-русский язык Мельникова-Печерского, как всякий «стиль русс», — воевал с «дактилическими окончаниями», пошедшими от Карамзина. Также воевал с «немецкой» грамматикой, установленной в России в XIX веке, по мнению А. М., — чуждой природе русского языка. Гоголя А. М. любил и чувствовал особенно. Неподражаемо читал вслух, когда-то, до войны, на публичных вечерах наполняя весь большой зал своим голосом. Те, кто его слышал, не могут забыть. Гоголю — «тайне Гоголя» — он посвятил замечательные по силе, музыкальности и поэзии страницы в своей книге «Огонь вещей» (Париж, 1954 г., изд. «Оплешник»). Наиболее повлиявший на него, «отметивший» его писатель — Достоевский. А<лексею> М<ихайлович>у был близок и дорог Лесков — по исканию правды и, главное, по любви к слову (работе над словом). Последнее, что я ему читала за 2 часа до смерти, был Лесков. Под чтение А. М. погрузился в полусон. Полусон перешел в сон смерти.

В самые последние месяцы жизни А. М. вступил в деятельную переписку с учеными исследователями литературы из Пушкинского Дома Акад<емии> наук СССР. Переписка началась по поводу чествования в Советском Союзе 275-летия протопопа Аввакума, которого так особенно любил и знал А. М., — А. М. посвятил огненные страницы «огненному протопопу», а как читал он отрывки из «Жития»! Исследователи Аввакума перед смертью Алексея Михайловича установили живую связь его с Родиной, в этом их большая заслуга. Это общение радовало самого русского из русских писателей — Алексея Михайловича Ремизова. А. М. по-

¹⁷ «Алексей Ремизов был, возможно, величайшей редкостью, нежнейшим и до болезненности чувствительным сердцем» (фр.).

слал в хранилище Пушкинского Дома почти все заграничн<ые> издания своих книг.

Я думаю, что А. М. знают в России только по первым его книгам и, вероятно, его помнят только писатели старшего поколения: как писателя трудного, затейливого стилиста, создателя новых слов, знатока фольклора и русской старины, сказочника. Хотелось бы, чтобы А. М. открылся на Родине во весь свой рост — очень большого писателя. Но когда это будет? Мне думается, впрочем, что простой, рядовой читатель легче, чем критика или сложившиеся литераторы, примет Ремизова. В прошлом году я подготовила сборник «Избранного» Ремизова, подбирая наиболее яркие и доступные тексты, я имела в виду среднего русского человека. Сборник этот находится в руках Эренбурга.

Французы, несмотря на их собственную столь интенсивную литературную жизнь, на свое огромное книжное богатство и в прошлом, и в настоящем, на интеллектуальное перепроизводство, — в силу своей культурной и художественной восприимчивости очень высоко оценили творчество Ремизова. Здесь его считают большим писателем — мировой величины, — очень своеобразным, оригинальным по форме, по темам, по подходу к жизни, ярким и очень современным. Отмечают исключительное богатство его языка (даже через переводы), и особенно — совсем новый, еще не слышанный в мире голос. Во Франции вышло неск<олько> книг Ремизова во французском переводе — «Sur champ d'azur» (первая часть «Оли») в 1947 г., «La Maison Bourkov» («Крестовые сестры») с предисловием Ромена Роллана — 1947, «On finit l'escaliers», «Autre secret», «Au seuil de l'invisible», сборники сказок, легенд и т. д. Кроме того, произведения А. М. охотно печатались и печатаются почти во всех литерат<урных> журналах и газетах Франции («Nouvelle Littéraire», «Arts», «Nouvelle Revue Française», «La Parisienne», «Cahiers du Sud», «Saison» и т. д.). А. М. не только ценился «элитой», вслед за появлением его вещей в печати приходят на редакции из разных углов Франции и других стран письма: отклики на голос русского писателя. Я занялась переводом произведений А. М. на франц<узский> язык лет пять тому назад. Я сама была удивлена успехом своих переводов: А. М. считается одним из самых трудных для перевода авторов и его неподражаемый язык, конечно, непереволим. Всё же даже того,

что доходит — через перевод, — достаточно для того, чтобы А. М. занял место среди самых больших писателей нашего времени. Здесь особенно отмечают поэтическую сторону его творчества — «le poète Remizov». Очень скоро появится в изд-ве «Gallimard» мой перевод книги А. М. «Подстриженными глазами» (воспоминания детства). По мере того как я ее переводила, главы из книги появлялись в лит<ературном> ежемесячнике «Nouvelle Revue Française» — передовой журнал, всемирно известный (попасть в этот журнал нелегко), таким образом, читающая интеллигентная Франция знает имя Алексея Ремизова. И не одна Франция: известный итальянский профессор-славист узнал о смерти Ремизова по радио, — его маленькая внучка, бывшая при этом, впервые увидела, как дедушка плачет...

В первые годы эмиграции А. М. жаловался, что его мало и неохотно печатают в эмигрантских изданиях — по причине его «непонятности». Играло, конечно, роль и то, что по духу настоящим «эмигрантом» А. М. никогда не был. Непреодолимая свобода его духа не укладывалась в рамках, жил он как-то сам по себе, ни к кому и ни к чему не применяясь. В последние годы жизни А. М. его охотно печатали во всех русских зарубежных газетах и журналах — Европы и Америки — и в таких, которые были глубоко чужды его духу. А. М. печатался всюду — т. к. «молчание» душило его. У него остались две большие непечатанные книги: продолжение «Подстриженных глаз» — «Иверень» — воспоминание о годах тюрьмы, ссылки, литературной жизни и встреч в Петербурге, и «Учитель музыки» — из (своей) эмигрантской жизни.

Об А. М. можно говорить бесконечно: о нем, как писателе, как о человеке, о его рисунках... Я охотно сообщу Вам всё, что Вас интересует — и лично, и для статьи о нем. Одновременно с этим письмом я посылаю Вам книжечку — «Круг счастья» («Перстень Соломона»), — это последняя книга А. М., выпущенная в «Оплешнике» на средства, собранные его друзьями к его 80-летнему юбилею. В конце этой книги напечатана полная библиография А. М. «Оплешник» — под этим названием ближайшие друзья Ремизова издавали эти книги «своими средствами». Среди них были близко стоящие к типографскому делу — выпускали эти книги сами. На это шли добрая воля и труд друзей, некоторые гонорары А. М. Это и есть «Оплешник» — таким образом вышло 8 книг:

Из цикла «Легенд в веках»: 1) «Повесть о двух зверях — Ихнелат и Стефанит» (из Панчатантры), 1950; 2) «Бесноватые (Савва Грудцын и Соломония)», 1951; 3) «Мелюзина. Французские легенды», 1952; 4) «Тристан и Исольда. Бова Королевич», 1957; 5) «Круг счастья (Перстень Соломона)» 1957; 6) «Мартын Задека — о снах и запись снов»; 7) «Мышкина дудочка — Хроника rue Voileau — Париж в оккупацию»; 8) «Огонь вещей — сны в русской литературе — о Гоголе — мысли о литературе» (очень значительная книга).

Когда-то эти книги очень дешево продавались (и очень мало покупались) в книжных лавках в Париже. А. М. имел обыкновение рассылать их даром своим друзьям и любителям словесности. Книжки были выпущены в очень небольшом количестве экземпляров. Очень тщательно изданы, некоторые с рисунками автора, как и обложки. Давно уже я изъяла их из продажи — берегу их для библиотек или особенных случаев. Кое-что я могла бы послать в библиотеку в Прагу — если есть к этому интерес среди профессоров и студентов.

Людмила Николаевна Замятина просит меня передать Вам привет.

Желаю сердечно здоровья Вам и Елизавете Викторовне
Нат<алья> Резникова¹⁸

Как свидетельствует текст письма, Н. В. Резникова имела свою литературоведческую концепцию творческого пути Ремизова, которая нашла отражение в книге «Огненная память».

И еще одна значимая тема мемуаров — раскрытие подлинного лица человека Алексея Ремизова. Здесь небезынтересна ее прямая полемика с Н. В. Кодрянской.

После смерти писателя в руках его литературной «ученицы» остались многочисленные тетради, исписанные его неразборчивым почерком. В них находились материалы для книги «Лицо писателя». При подготовке их к печати публикатор позволила себе в немалой степени их переработать. В результате лежащий в основе замысла авторский миф писателя о самом

¹⁸ Архив Резниковых (Париж).

себе¹⁹ был «откорректирован» Кодрянской. Итогом стала ее книга «Алексей Ремизов» (Париж, 1959). Это издание было воспринято Н. В. Резниковой и ее родными негативно, поскольку, на их взгляд, оно искаженно представляло образ писателя.

Автор «Огненной памяти», дискутируя с идеями и фактами книги «Алексей Ремизов», оказался очень чуток к двойственной природе этого текста. Как человек, в течение долгих лет знавший и понимавший Ремизова, Наталья Викторовна раскрывала читателю различие между имевшимся в книге «образом Ремизова, им самим создаваемым», т. е. авторским мифом, и его действительной человеческой и писательской судьбой. В то же время она не приняла «толкования» этого мифа, предложенные Кодрянской. В «Огненной памяти» мемуаристка сравнивала приводимые американской «ученицей» Ремизова вторичные данные, опосредованные интерпретации событий и высказываний с реальными фактами, со свидетельствами близких к нему очевидцев и таким образом спорила с Кодрянской.

В заключение следует отметить, что за долгие годы отношения Натальи Резниковой и Алексея Ремизова претерпели сложную эволюцию. Они начались со знакомства молодой девушки с удалившимся в изгнание знаменитым писателем и его супругой. В последующие годы желание чем-то помочь, как-нибудь облегчить их эмигрантское бытие соединилось с вовлечением Н. В. Резниковой в процесс творческой работы Ремизова. Оставаясь «девятикрылатым ангелом» пожилого писателя, она постепенно стала его литературной помощницей, а в итоге — хранительницей наследия писателя.

По своему генезису книга «Огненная память» восходит к так и не воплотившимся дружеским планам близких к Ремизову лю-

¹⁹ См. ироничную оценку О. Е. Колбасиной-Черновой в письме к Н. В. Резниковой от 29 сентября 1957 г.: «Алекс<ей> Мих<айлович> будто бы заставлял ее изображать себя полным всех добродетелей — доброты, самоотвержения, заботы о людях, *никогда ничего* для себя, всё для других. Она против этого якобы протестует, и тут опять с ним ссоры и конфликты и столкновение двух правд — моей и его!!» (Архив Резниковых (Париж)).

дей отметить его 80-летний юбилей изданием сборника воспоминаний. В дальнейшем, уже после смерти писателя, Н. В. Резникова увидела, сколь быстро теряется или искажается образ Ремизова — человека и писателя в эпизодических, а зачастую и анекдотических сюжетах мемуаров современников или в трудах, опирающихся на вторичные источники. В «Огненной памяти» Алексей Ремизов представлен как сложная, волевая натура, писатель, который всегда искал в искусстве новых путей и никогда не прекращал своего поиска. В то же время книга отражает и лицо самой мемуаристки — щедрой душой и богатой талантами носительницы лучших заветов российской интеллигенции.

Алла Грачева

Уголок России в Кашане (предисловие к новому изданию)

В послевоенные годы связь нашей семьи с А. М. Ремизовым осуществлялась главным образом через мою мать благодаря ее активному участию в жизни писателя и глубокому пониманию его исключительной личности и творчества. Для нас теперь — для моего брата Андрея Даниловича и для меня, погруженного в ремизовские «дела», — годы, описанные в «Огненной памяти», остаются — и тем более при отсутствии мамы — светло-солнечными и тем самым такими же «огненными».

Моя мать Наталья Викторовна (при рождении Митрофановна) Резникова ушла из жизни последней из старшего поколения семьи Резниковых-Андреевых-Сосинских, 14 ноября 1992 года, в моем доме на 11 rue du Parc в Кашане (Cachan), где мы жили с 1986 года. Прежде, с 1945 года, мы жили в том же Кашане, но по адресу 11 rue Camille Desmoulins, где умер мой отец Даниил Георгиевич Резников, а также скончалась на моих руках сестра-близнец моей матери Ольга Викторовна (при рождении Митрофановна) Андреева в 1979 году. Там же жила с нами и моя бабушка Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова, которая скончалась, уже вернувшись в Москву в 1964 году. Время шло, но радостей было много; особенно нас обрадовал выход в свет в 1980 году в американском издательстве книги воспоминаний мамы «Огненная память».

Дом на rue Camille Desmoulins был как бы чудо-дом. Однажды ко мне подошла женщина и неожиданно сказала: «Этот дом